

Егошина Т.Е. ИМЯ И ЖАНР (О возможностях литературоведческой прогностики)

Филология вообще, литературоведение в особенности традиционно причисляются к «неточным» наукам. Критерием научной «точности» выступает обычно способность моделировать (а отсюда и прогнозировать) изучаемые явления. То, что литература – это модель и прогноз жизни, известно давно. Способности филологии относительно самой литературы в этом плане остаются предметом дискуссий. Между тем изучение жанра и стиля художественных текстов дает достаточно нетривиальные результаты именно как модель и прогноз. При этом жанр моделирует/прогнозирует прежде всего «верхние» уровни текста и макроконтексты; стиль, соответственно, – «нижние» уровни и микроконтексты.

Цель проводимого исследования – показать на материале такого жанра, как научная фантастика (далее НФ), и конкретно, творчество И.А. Ефремова, а также такого элемента стиля, как имя персонажей, возможность моделирования наполнения микро- и макроконтекстов. И то, и другое не раз обращало на себя внимание филологов [1]. **Новизна** данной работы обусловлена не столько новизной материала исследования, сколько оригинальностью и комплексностью подхода к его интерпретации, сочетающей символическое и интеркоммуникативное прочтение. Романы Ефремова по-прежнему остаются любимым чтением, хотя их «идеология» подверглась переоценке. Однако переоценка как раз зачастую недооценивает глубинную жанрово-стилистическую доминанту (далее ЖСД) этих вещей [2], что объясняет **актуальность** поставленной цели.

Выдвинем предварительную гипотезу. В жанровом смысле романы И.А.Ефремова синкретичны. Они объединяют признаки социальной утопии/антиутопии, фольклорной волшебной сказки (частично – волшебного богатырского эпоса) и, как ни удивительно, христианских «духовных» жанров: жития и проповеди. Гипотеза не покажется слишком смелой, если учесть социально-исторические установки литературы «эпохи Ефремова»: социологизм, дидактичность («учительность»), футурологическую ориентацию, вместе с культом «своих» традиций, отношение к идеалу как к безусловной и главной реальности. Однако, на поверхности подчиняясь новейшему сциентизму, социологизму, идее «прогресса», в глубине русская литература продолжала питаться древними жанровыми моделями: как языческими, так и христианскими.

В новоевропейском жанре утопии герои либо бледные, схематичные (если они «там» в иномирии, плюс положительные), либо яркие, однако упрощенные (если они «здесь», но отрицательные). Выразительнее всех героини-медиаторы: «здесь» – повествователь-путешественник; «там» – его подруга/друг – проводники. В антиутопии главное отличие: стандартизация доминирует «здесь» (ибо антимир – «здесь»). Для НФ эти разные жанровые модели превращаются в разные хронотопы: «плохие» и «хорошие» времена-пространства. Сказка и житие не менее четко, хотя иначе моделируют/прогнозируют «чужих»/«своих» героев. К утопии ближе сказка, к антиутопии – житие; проповедь занимает промежуточное место.

Кто же мог быть для Ефремова «своим»/«чужим», центральным/периферийным, наконец, медиатором? Социум, эпоха делали «своими» Восток (всегда «борющийся»), отчасти Юг (ср. клише: «народы Азии, Африки, Латинской Америки»). Север – нейтрален, Запад – «плох». Центральный – «свой» класс скорее, чем народ; «свой» народ (многонациональный) – скорей, чем нация; нация («славянство») – скорей, чем группа; «своя» группа («товарищи») – скорей, чем герой-одиночка. Медиатором в «чужом» иномирии мог быть только супер-«свой». Вместе с тем нередко он вынужден принимать облик «чужих» (тип «разведчика», модель сказки), но для обращения их в «своих» (тип «агитатора», модель проповеди и жития).

Проверим гипотезу на именах персонажей (для краткости – хотя бы одного популярного романа И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957)).

Вера И.А. Ефремова в непрерывное совершенствование и «светлое будущее разумно устроенного общества» [3, с. 5] Эры Великого Кольца – эры интернациональной общности, эры активных контактов с братьями по разуму и противостояния враждебным космическим порождениям «нелюдей», нашла воплощение в данном романе.

Композиционно роман «Туманность Андромеды» делится на три части. В первой части действие происходит на межпланетарном звездолете «Гантра», направляющемся на планетарную систему самой близкой к Земле звезде в созвездии Змееносца – Зирде. Во второй части – на фантастической Железной звезде, и в третьей – на Земле.

Ефремов создает систему авторских окказионализмов, в том числе, окказионализмов-имен собственных (далее ИС), способствующих «реализации фантастичности как наиболее существенного компонента ЖСД научной фантастики» [4, с. 9].

ИС в романе являются фантастическими маркерами, стилизованными под реалии «будущего» – фантастической Эры Великого Кольца, при этом они несут не столько фантастическую информацию, сколько служат выражением эмоций, оценок и взаимоотношений персонажей. Все они созданы по определенному жанрово-стилистическому канону и выполняют жанровые функции.

Выбор имени персонажа всегда определяется авторским замыслом: как общей концепцией видения «мира произведения» в целом, так и соответствующими художественными образами. Иными словами, в литературе ИС надстраиваются над естественной антропонимической нормой и поэтому еще более информативны, оценочны, символичны. Из всех ИС романа (их более 40) остановимся только на центральных.

Тридцать седьмую звездную экспедицию возглавляет командир корабля-звездолета Эрг Ноор, родившийся и выросший у родителей-астронавтов во время очередной звездной экспедиции. Представитель «нейтрального» Севера, скандинав по происхождению, Эрг Ноор с раннего детства подготовлен к контак-

там с взнезными цивилизациями. Его кажущаяся безэмоциональность: непроницаемое лицо, сдержанные движения – не случайна: Эрг Ноор – медиатор в «чужом» иномирии (мы уже отмечали, что медиатором в «чужом» иномирии мог быть только супер-«свой»). «Нейтральность» дает Нору возможность трансформаций и адаптаций в мире «чужих». Его имя, Эрг, спроектировано на ассоциации с греческим словом «ergon» - работа, единица работы, энергии и количества теплоты [5, с. 917]. Напомним, что его родители – астронавигаторы, и технические термины для них – нормальная повседневная лексика.

Возлюбленная Эрга, Нора, астронавигатор Низа Крит, окружена другими ассоциациями: ее фамилия отсылает к древнейшей Крито-микенской цивилизации, многовековому медиатору среди культур Средиземноморья. Такова и героиня: она и медиатор, и супер-«своя». Ее имя, Низа, по всей вероятности, может являть собой либо вариант слияния двух усеченных имен: Ни(на)+(Ли)за; либо сокращенный вариант имени Дениза – (Де)низа. Имя Низа для славянского сознания ассоциируется с уменьшительными именами, что подчеркивает атмосферу братства и единой семьи людей будущего.

Враждебный мир Железной планеты представлен двумя видами фантастических созданий. Оба не имеют собственных имен, что чрезвычайно символически значимо: безымянность амбивалентна по своей сути. С одной стороны, она может быть позитивной, и тогда она трактуется как отказ от эгоизма, самовозвышения, в пределах устремления к абсолюту святости, но с другой стороны, безымянность может быть и негативной, и в этом случае она служит свидетельством попытки персонажа скрыть свою подлинную зловещую сущность. Таким образом, антропоним ассоциируется с человеческим миром, а отсутствие именованности персонажа с античеловеческим миром. Это явно наблюдается на примере монстров Железной звезды. Образы порождений Железной планеты заданы культурой: здесь работает символика неодушевленно-го «среднего» рода: ни мужчина, ни женщина – стерилизация: «оно», нечеловеческое, «чужое» иномирие.

Первую группу «чужих» созданий иномирия Ефремов называет «существа». Они появляются только во мраке, являя собой нечто аморфное. Существа похожи на гигантских плоских медуз.

Другие порождения иномирия также возникают во мраке и еще более враждебны землянам. Они похожи на черный крест (по форме напоминающий геральдический cross-romtee) с широкими лопастями и линзами на трех концах креста [6, с. 217]. Они действуют на подсознание человека, парализуют его волю, сменяя ее тупой покорностью, безволием, вызывая сокрушающую тоску. Между тем известно, что все кресты, кроме канонических, как правило, - геральдические и восходят к эпохе крестовых походов. Ефремов вводит дополнительные негативные символы, опирающиеся на две ассоциативные цепи: агрессивные крестоносцы на Западе, и, свойственное эпохе Ефремова критическое отношение к православию на Востоке. Линзы/кружочки на концах крестов предположительно травестируют вариант «проросшего» креста [7]: соединение языческих и христианских мотивов в христианской символической. Но там эти ростки – символ возрождения; здесь – орудия убийства. Дополнительно актуализируется символика естественного/неестественного, природного/машинного. Крест изначально сочетал в себе две возможные символизации: жизнь/смерть, позор/слава, и т.п. Однако в романе эта амбивалентность снимается, остается только мотив насильственной смерти и страдания.

Земной антропонимикон представлен в романе наиболее широко (26 имен). Центральный персонаж среди землян - Дар Ветер, заведующий внешними станциями Великого Кольца, - человек выдающихся способностей и познаний. Он славянин по происхождению, его предки русские, и он, безусловно, «свой» положительный герой. Его имя, однако, создано по реальным славянским моделям (ср., например, Богдан, Болеслав, Божидар, и т.п.). В утопическом мире Ефремова работает архаическая символика имени, как дара свыше, знака судьбы. Фамилия героя, Ветер, рождала ассоциации с революционно-освободительным движением той эпохи. Образ «ветра» широко использовался поэтами, писателями и композиторами (ср. аналогичный символ от поэмы «Двенадцать» А.Блока до оперетты И.Дунаевского «Вольный ветер»).

Центральный женский персонаж землян – Веда Конг, также как и Низа Крит, не имеет четко выраженных этнических отличий. Она, однако, - историк древнего мира. Отсюда специфичность ассоциаций ее имени с древнеиндийскими Ведами и с древнеславянским ведовством. Оба восходят к эпохе индоевропейской общности, к корню с семантикой «мудрость» [5, с. 1358]. Фамилия Конг – явная аллюзия на государство Конго в Центральной Африке (именно в период создания романа велась освободительная война в африканских странах). Таким образом, этим определено место Веды Конг в системе героев Ефремова: она заведомо «свой», символически положительный персонаж.

Итак, каждое ИС романа имеет несколько заданных параметров жанра: житие определяет функционирование имени как программы жизни; проповедь обуславливает подчеркнутую идеологичность имени, а тем самым и характеры персонажа; традиции волшебной сказки регулируют большую экзотичность имен «чужих» и «домашность» имен «своих» персонажей. Вместе с тем, именно синкретичность имен персонажей помогает заметить и верно истолковать в историко-литературном и жанровом аспектах своеобразие философии и формы романа Ефремова.

Подведем некоторые итоги. Филологический (жанровый и стилистический) анализ оказался вполне способным и моделировать, и прогнозировать конкретные авторские решения. Отметим: процесс этот оказался возможен как «снизу» (от частного к общему, от микро- к макроконтекстам), так и «сверху» (в обратном направлении). Результаты дают основание заключить: литература, но и литературоведение, доказывают – предсказывающая. Таков (позволим себе игру слов) объективный критерий филологической объективности.

Источники и литература

1. Литература вопроса см.: а) Альтман М.С. Из истории имен, фамилий и прозвищ. В кн.: Прометей, М., 1967; б) Белая Л.В. Роль антропонимов в структуре художественного текста // Рус. яз. и литература в учебном заведении. – М., 1996. – №2. – С. 31–33; в) Михайлов В.Н. О специфике литературной оно-

- мастики // Вопросы стилистики. Вып. 22. – Саратов, 1988; г) Михайлов В.Н. О функциональной специфике имен собственных в художественном тексте // Исследования по семантике. – Симферополь, 1987; д) Никонов В.А. Имена персонажей. В кн.: Имя и общество. – М., 1974.
2. Макаренко Е.И. Жанрово-стилистическая доминанта в переводе: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1989. Там же литература вопроса по жанрологии.
 3. Ефремов И.А. Предисловие к роману «Туманность Андромеды». – М., 1988.
 4. Тесленко Т.Н. Жанровая специфика перевода научной фантастики: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1989. Там же литература вопроса по научной фантастике.
 5. Большой Энциклопедический Словарь. – М., 1997.
 6. Новикова М.А., Шама И.Н. Имя как символ: православная традиция и художественный текст // Международный научно-практическая духовно-светская конференция «Аще возможно, будьте в мире со всеми...» – Т.2. – Запорожье, 1997.
 7. Merriam Webster's Collegiate Dictionary. – USA, 1995.
 8. 8.Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь. – II том. – М., 1992.
 9. Ефремов И.А. Туманность Андромеды. – М.: Сов. Россия. – 1988.
 10. Брадес Е., Дмитриевский В. Человек через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. – М.-Л., 1963.

Островский Д.О.

ВТОРОЙ ЭТАП ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ВЫБОР СООТВЕТСТВИЙ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ ПЕРЕВОДА (На материале оценочной лексики исторического романа)

Объектом данного исследования является оценочность в историческом романе как типе текста.

Предметом исследования является оценочная лексика в историческом романе, как типе текста, и механизм поиска её соответствий в языке и культуре перевода (ПЯ, ПК).

Целью данной работы является определение основных переводческих стратегий на втором этапе работы с текстом исходной культуры (ИТ).

Для реализации данной цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) Обозначить основные сложности работы переводчика с оценочностью на текстовых уровнях: гипер/текстовом/гипо.
- 2) Дать анализ исторической реалии и историческому символу, как основным единицам исторической оценочной лексики при определении соответствий в ПЯ.
- 3) Продемонстрировать поиск соответствий оценочной лексики в ПЯ на материале оценочной лексики исторического романа «Юность короля Генриха IV».

Установлено, что переводоведческая работа, как таковая, включает в себя пять этапов: 1) анализ ИТ, 2) выбор соответствий в ПЯ, 3) их корреляция с типом текста ИТ, 4) создание перевода, 5) редактурa.

В предыдущей работе уже был рассмотрен анализ ИТ, его проспективный и ретроспективный варианты, в ходе которого переводчик определяет зоны формирования оценочных значений в тексте, как символической модели кросс/мультикультурной коммуникации (методика символической интерпретации разработанная и дополненная М.А. Новиковой)

В данной работе освещается работа переводчика с оценочностью исторической лексики с дальнейшим поиском соответствий этой лексики в ПЯ.

Оценочность исторической лексики/историзма (Ии), как таковая, может выражаться в тексте прямо и косвенно.

В первом случае, Ии сам несёт оценочное значение, которое проверяется по словарю. При работе с такой оценочной исторической лексикой переводчик решает два вопроса: а) вариант оценки, б) качество денотата/интенсивности оценочного значения, (ярко выраженное/слабо выраженное). В том и другом случае, переводчик применяет тезаурусную методику. Исследование в данном направлении были проведены в достаточном объёме и освещены в работах (Влахов Флорин, Зоривчак)

Во втором случае оценочность Ии выражается косвенно. Выявить механизм формирования этой оценочности, найти соответствия Ии в ПЯ – один из самых сложных этапов в переводческой деятельности.

Для носителя исходного языка (ИЯ) эта оценочность будет понятна. Но, в отношении носителя другого языка и культуры такая оценочность может быть: а) не понятна, б) малопонятна, в) превратно понятна, то есть вызывать ложные ассоциации.

Работая с историческим романом, как типом текста, переводчик прогнозирует (проспективный анализ) формирование оценочных значений на его текстовых уровнях. Оценочность формируется на контекстуальных уровнях: а) гипертекстовом, б) текстовом, в) гипотекстовом.

На уровне гипертекстовом (исторический роман, как жанр/тип текста) переводчик прогнозирует наличие: а) исторического/квазиисторического хронотопа, б) исторического сюжета (реально-придуманного), в) героев.

Оценки этих элементов гипертекстового уровня известны для носителя ИЯ. Варианты рецепции оценочности носителями ПЯ рассмотрены выше. Знание оценок зависит от объёма владения информацией носителями ИК и ПК. Читатель может быть массовым, образованным, специальным. В любом случае, исторический роман – явление мульти/кросскультурное, то есть события, описанные в какой-то мере будут известны носителям иной/смежной культуры.

Хронотоп. Носителю ИЯ знакома оценка, как исторических мест, так и исторического времени. Исторические романы описывают в основном, известные события. Имеющиеся фоновые знания достаточны для правильного восприятия оценки исторических мест и времени (места и время побед и